

А. Ф.
ПИСЕМСКИЙ

Избранное

Алексей Писемский

Комик

«Public Domain»

1851

Писемский А. Ф.

Комик / А. Ф. Писемский — «Public Domain», 1851

«Нижеследующая сцена происходила в небольшом уездном городке Ж.. Аполлос Михайлыч Дилетаев, сидя в своей прекрасной и даже богато меблированной гостиной, говорил долго, и говорил с увлечением. Убедительные слова его были по преимуществу направлены на сидевшего против высокого, худого и косоного господина, который ему возражал...»

Содержание

I	5
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алексей Феофилактович Писемский

Комик

Рассказ

I

Собрание любителей

Нижеследующая сцена происходила в небольшом уездном городке Ж.. Аполлос Михайлыч Дилетаев, сидя в своей прекрасной и даже богато меблированной гостиной, говорил долго, и говорил с увлечением. Убедительные слова его были по преимуществу направлены на сидевшего против высокого, худого и косоного господина, который ему возражал. Прочие слушатели были: молодая девица, чрезвычайно мило причесанная, – она слушала очень внимательно; помещавшийся невдалеке от нее толстый и плешивый мужчина, который тоже старался слушать, хоть и зевал по временам; наконец, четвертый – это был очень приятный и очень искренний слушатель; с самою одобрительною улыбкою он внимал то Аполлосу Михайлычу, то косому господину, смотря по тому, кто из них говорил. Были, впрочем, еще двое собеседников, но они совершенно не прислушивались к общему разговору, сидели вдали от прочих и, должно быть, пересмеивали тех. Это были: молодая дама, стройная и нарядная, и молодой человек, тоже стройный и одетый с большими претензиями на франтовство.

Толстый мужчина был местный судья – Осип Касьяныч Ковычевский, человек, говорят, необыкновенно практически умный и великий мастер играть в коммерческие игры; приятный слушатель – Юлий Карлыч Вейсбор. Он был очень любим всем обществом, но, к несчастью, имел огромное семейство и притом большую жену, которая собственно родинами и истощена была: у них живых было семь сыновей и семь дочерей; но что более всего жалко, так это то, что Юлий Карлыч, по доброте своего характера, никогда и ничего не успел приобрести для своего семейства и потому очень нуждался в средствах. Нарядная дама приехала в город лечиться. Это была прелестная женщина, – немного, конечно, важничала и все бредила столицею, в которой была всего один раз, и то семи лет, но, вероятно, это проистекало оттого, что она имела значительное состояние. Сидевший рядом с нею молодой человек приходился хозяину племянником и служил в Петербурге в каком-то департаменте писцом, а теперь приехал на три месяца в отпуск. Он тоже очень восхищался столичною жизнью. Молодая девица была его родная сестра; она воспитывалась и постоянно жила у Аполлоса Михайлыча. Что касается до сего последнего, то все его знакомые о нем говорили, что он был человек большого ума, чрезвычайной начитанности, высшего образования и весьма приятного обращения. Имея значительное состояние, он жил всегда в обществе, но не сходился с ним в главных интересах; то есть решительно не играл в карты, смеялся над танцевальными вечерами, а занимался более искусствами и сочинял комедии. Ко всему этому я должен прибавить, что, несмотря на свой пятидесятилетний возраст, Дилетаев был еще очень любезен с дамами и имел кой-какие виды на одну вдову, Матрену Матвевну Рыжову. Косой господин был тоже любитель театра, но только собственно трагедии и драмы. Он слыл в обществе за чудака, но, впрочем, имел порядочное состояние, держал музыку и был холостяк, – имя его Никон Семеныч Рагузов.

Спор между хозяином и косым господином зашел очень далеко: оба они начали даже кричать.

– Дикая и варварская мысль! – произнес косой гость.

– Я с вами уже более не спорю, вы неизлечимы, – отвечал хозяин, – а спрошу вашего мнения, господа.

- Я совершенно с вами согласен, – отвечал приятный слушатель.
- А вы? – спросил Аполлос Михайлыч, обращаясь к плешивому мужчине.
- Вы говорите насчет комедии? – спросил тот.
- Да, насчет комедии. Я говорю, что это тоже высший сорт искусства.
- Ваша правда, действительно высший сорт.

Косой господин вскочил.

– Драму-то вы, милостивые государи, – воскликнул он, – куда деваете? Как вы драму-то уничтожаете с вашей комедией?

– Опять вы не понимаете того, что вам говорят, – возразил хозяин. – Никто и не думает уничтожать вашей драмы. Мы сами очень любим и уважаем драматические таланты; но в то же время понимаем и комедию, говорим, что и комедия есть тоже высокое искусство.

– Да, искусство, но только балаганное, – заметил насмешливо косой господин.

Хозяин покотился со смеху.

– Ну, Никон Семеныч! – сказал он, махнув рукою. – Вы говорите такие уморительные вещи, что вам даже и возражать нечего, а надобно только смеяться.

Никон Семеныч побледнел.

– Смеяться я сам умею громче вашего, но не смеюсь, хотя ваши мнения и дерут мне уши, – возразил он.

– Мои мнения не могут драть ничьих ушей, – перебил хозяин, – я их высказывал в столицах, и высказывал людям, понимающим театр. И наконец: я мои мнения, Никон Семеныч, печатал и даже советовал бы вам их прочесть – они во многом могут исправить ваши понятия.

– Я уж стар учиться, особенно по вашим печатным мнениям.

– Учиться никогда не поздно... Вот это мне в вас и неприятно: вместо того, чтобы хладнокровно рассуждать о нашем деле, вы припутываете вашу личность и говорите потом дерзости! Я, конечно, вам извиняю, потому что вы человек энергический, с пылкими страстями и воображением, одним словом – бог вам судья – вы трагик, но, во всяком случае, не мешайте дела с бездельем.

– Кто ж вам мешает? Что вы хотите этим сказать? – перебил косой господин. – Вам самим было угодно пригласить меня сегодня на вечер, и я, кажется, сейчас же могу освободить вас от моего присутствия.

– То-то вот и есть, что вы все сердитесь, а хорошенько не хотите выслушать, – возразил Аполлос Михайлыч. – Дело наше очень просто и не головоломно: мы затеваем благородный спектакль – во-первых, для собственного удовольствия, во-вторых, для удовольствия наших знакомых и, наконец, чтобы благородным образом сблизить общество и дать возможность некоторым талантам показать себя; но мы прежде всего должны вспомнить, что у нас очень бедны материальные средства: у нас нет залы, мало денег, очень неполон оркестр. Приняв все это в расчет, мы и говорим, что должны играть какую-нибудь хорошую, но немногосложную комедию. Справедливо ли я, господа, говорю? – заключил хозяин, обращаясь к слушателям.

Господа, за исключением косоного, кивнули в знак согласия головою.

– Играйте бессмысленные водевили, кто вам мешает! – произнес Никон Семеныч.

– Нет-с, мы не водевили будем играть, но, как люди образованные, можем сыграть пьесы из хорошего круга. Я предлагаю мою комедию, которую все вы знаете и которая некоторым образом одобрена вами, а в заключение спектакля мы дадим несколько явлений из «Женитьбы» Гоголя – пресмешной фарс, я видел его в Москве и хохотал до упаду.

– Я не могу участвовать, – сказал трагик.

– Отчего же не можете? Для вас именно в этом-то фарсе и есть прекрасная роль, которую вы отлично сыграете. Это роль Кочкарева – этакого живого, смешного чудака. В вас самих много живости и развязности: говорите вы вообще громко и резко.

– Благодарю вас за определение моего амплуа, – перебил обиженно-насмешливым голосом трагик, – но только я не принимаю на себя этой чести. Дураков я никогда не играл и не понимаю их, да и не знаю, стоит ли труда заниматься этими ролями.

– Я одного только не понимаю, – начал хозяин, – о чем вы беспокоитесь. Я прежде вам говорил и теперь еще повторяю, что собственно для вас мы согласны поставить сцену или две из «Гамлета», например, сцену его с матерью: комната простая и небольшая; стоит только к нашей голубой декорации приделать занавес, за которым должен будет кто-нибудь лежать Полонием. Дарья Ивановна сыграет мать; вы – Гамлета, – и прекрасно!

– Что вы такое говорите, Аполлос Михайлыч, я сыграю? – спросила сидевшая вдали дама.

– Я говорю, что вы сыграете, в сцене с Никоном Семенычем, Гертруду, мать Гамлета.

– Помилуйте, я ничего не умею играть! Клянусь вам честию, я с первого же слова расхожусь до истерики.

– Вы будете смеяться, а этот господин плакать, – это будет удивительно эффектно, – заметил шепотом сидевший около нее молодой человек.

– Нет, вы уж не извольте отказываться! Вы сыграете, и сыграете отлично, – возразил хозяин. – Ваша наружность, ваши манеры – все это как нельзя лучше идет к этой роли.

Трагик, слушавший эти переговоры с нахмуренным лицом, встал и взялся за шляпу.

– Куда же вы? – спросил хозяин.

– Нужно-с домой, – отвечал гость.

– Вы все сердитесь, но за что же? Для вас уж есть пьеса, где вы можете себя показать.

– Я не хочу себя показывать в какой-нибудь выдернутой сцене, в которой я должен буду плакать, а на мои слезы станут отвечать смехом.

– Но согласитесь, любезный Никон Семеныч, по крайней мере с тем, что не можем же мы поставить целую драму.

– Я против этого и не спорю. Нельзя поставить драму, а я не могу играть; потому что мое амплуа чисто драматическое и потому что я с вами никогда не соглашусь, чтобы ваша комедия была высший сорт искусства.

– Об этом я уже с вами говорить не хочу. В этом отношении, как я и прежде сказал, вы неизлечимы; но будемте рассуждать собственно о нашем предмете. Целой драмы мы не можем поставить, потому что очень бедны наши материальные средства, – сцены одной вы не хотите. В таком случае составимте дивертисман, и вы прочтете что-нибудь в дивертисмане драматическое, например, «Братья-разбойники» или что-нибудь подобное.

– Кто же будет играть других разбойников? – спросил трагик, которому, видно, понравилась эта мысль.

– В разбойниках мы не затруднимся. Разбойниками могут быть и Юлий Карлыч, – произнес хозяин, указывая на приятного слушателя, – и Осип Касьяныч, – прибавил он, обращаясь к толстому господину, – наконец, ваш покорный слуга и Мишель, – заключил Аполлос Михайлыч, кивнув головой на племянника.

– Эта роль без слов, mon oncle?¹ – спросил тот.

– Конечно, без слов, – отвечал хозяин.

– Всякую бессловесную роль я принимаю на себя с величайшим удовольствием, и даже отлично сыграю, – отнесся молодой человек к молодой даме и захохотал.

– Вот вам и целая коллекция разбойников, – продолжал с удовольствием хозяин. – В задние ряды мы даже можем поставить людей, чтобы толпа была помноголюднее.

– Дело не в том, – возразил Никон Семеныч. – Мне кажется, что эффекту мало будет; неотчего ожидать этих прекрасных драматических вспышек.

---

¹ дядюшка? (франц.).

– Что это вы говорите, – воскликнул Аполлос Михайлыч, – как нет драматических вспышек, когда вся пьеса есть превосходная драматическая вспышка! Сумейте только, почтеннейший, как говорит Фамусов, прочесть ее с чувством, с толком, с расстановкой...

– За этим дело не станет. Прочитать мы прочитаем, – отвечал Рагузов, – но я боюсь еще, как публика поймет. Кто у нас будет публика?

– Публика поймет, – отвечал хозяин, – потому что публика в этом деле всегда и везде самый справедливый судья. Эту мысль я высказал даже в моей статье о В...м театре. Сверх того, у нас будут люди и понимающие нечто, например: Александр Александрыч с семейством, Веснушкин, чудака Котаев. Эти люди, Никон Семеныч, видят далеко! В дивертисмане вашем Дарья Ивановна пропоет своим небесным голосом свой *chef d'oeuvre*² – «Оседлаю коня»³; Фани протанцует качучу.

– Я ее, *mon opcle*, совсем забыла, – проговорила молодая девушка.

– Ты не могла ее, моя милая, забыть, – возразил Аполлос Михайлыч, – потому что ты только прошлого года изучила ее в Москве. Впрочем, застенчивость в этом отношении, *mon ange*⁴, даже смешна.

– Но, *mon opcle*, я не балетчица, а актриса.

– Все это я очень хорошо знаю, *chere Fany*⁵; но все-таки тебе стоит только вспомнить то соло, которое ты танцевала в Москве в благородном балете, то и этого уже будет весьма достаточно, а кроме того, ты не должна уже отказываться и потому, что это необходимо для полноты спектакля.

Трагик, все еще остававшийся в дурном расположении духа, встал.

– Доброй ночи, – сказал он.

Хозяин начал было его упрашивать досидеть артистический вечер, но гость уехал.

– Удивительно, какого несносного характера! – сказал Аполлос Михайлыч, пожав плечами, по уходе трагика. – Не глупый бы человек, но с самыми неприятными странностями – всегда и везде хочет, чтобы делалось по его. По способностям своим – комический актер, и даже актер недурной, а воображает себя трагиком, и трагиком вроде Мочалова. Когда ему начнешь что-нибудь говорить или читать, он никогда и ничего не слушает, а требует только, чтоб его чтением восхищались. Недели две тому, кажется, назад явился ко мне с своим Шекспиром – этикие маленькие синенькие книжки⁶ – и начал читать – просто сделал попытку! Вообразите себе – слушать двенадцать часов прозу, произносимую самым неприятным прононом и сопровождаемую самыми резкими движениями!

– Я говорила вам, *mon opcle*, чтобы вы его не приглашали, – заметила племянница.

– Нельзя, мой друг! Во-первых, его музыканты: не пригласи – осердится и не даст оркестра, а без музыки, ты сама знаешь, спектакля не бывает; а во-вторых, он и актер порядочный. Впрочем, господа, лучше потолкуемте о деле; позвольте мне представить вам маленький ярлычок. – Проговоряя эти слова, Аполлос Михайлыч вынул из кармана небольшую бумагу и продолжал: – В пьесе моей роль виконта играю я; гризетку – Фани, – она эту роль прекрасно изучила; нечего конфузиться!.. Я в этом деле строг: дурно, так дурно, а хорошо, так хорошо; на роль маркизы я приглашу Матрену Матвевну – немного чересчур полна, но это ничего: она довольно ловка! Потом-с: некоторые сцены «Женитьбы». Вот тут маленькая заковычка: действующих лиц много – нынешние писатели вообще любят толпу, которая только в больших труппах возможна. Между нами сказать, я бы этой пьесы никогда не поставил: какой-то три-

---

² образцовое произведение (франц.).

³ Оседлаю коня... – первая строка «Песни старика» А.В.Кольцова.

⁴ мой ангел (франц.).

⁵ дорогая Фани (франц.).

⁶ Маленькие синенькие книжки. – Речь идет об издании сочинений Шекспира в переводах Н.Кетчера.

виальный фарс... смешна и больше ничего; но мне хочется это сделать для столицы – в Москве она очень всех смешила; придется, может быть, своим знакомым написать, что у нас был спектакль, давали «Женитьбу», там этого и довольно: все восхитятся! В этой шутке я думаю раздать роли таким образом: невесту будет играть Фани, сваху – Матрена Матвевна, она будет чуднейшая сваха! Экзекутора сыграете вы, Осип Касьяныч.

– Нет уж, Аполлос Михайлыч, меня, сделайте милость, освободите: я, право, никогда не игрывал на театрах и вовсе никакого желания не имею-с, – отвечал тот.

– Полноте пустяки говорить, мой почтеннейший, – возразил хозяин. – Роль маленькая: на каких-нибудь трех страницах. Моряка сыграет Юлий Карлыч. – Эта роль очень добрая: лицо надобно иметь веселое, с приятной этакой улыбкой. Она очень будет вам по характеру. Кочкарева сыграет наш великий трагик, а Мишель – Анучкина.

– А тут, mon oncle, надо будет говорить? – спросил племянник.

– Разумеется.

– В таком случае, слуга покорный, я решительно отказываюсь от всех словесных ролей, – отвечал Мишель.

– Нет, ты не можешь отказаться, если я этого хочу.

– Помилуйте, mon oncle! Вы захотите, чтобы я на канате плясал, – возразил племянник, – так и должен я лезть на канат и сломать себе голову?

– И очень бы хорошо сделал, если бы в самом деле сломал и достал бы где-нибудь поисправнее!.. Как ты можешь не хотеть участвовать в том деле, в котором участвует все общество, в котором, наконец, участвуют твоя сестра и дядя?

– Что ж такое сестра и дядя? – возразил Мишель.

– Как что такое сестра и дядя?.. Ах, ты, бессмысленный повеса! Для него ничего не значат сестра и дядя; да сам ты что за великий человек? Не потому ли разве, что в департаменте бумаги подшивать выучился, невежа глупый?

– Вы можете сердиться, сколько вам угодно, а я не буду играть, – сказал молодой человек и ушел в залу.

– Дело в том, господа, – начал, поуспокоившись, хозяин, – нам недостает актера на главную роль – на Подколесина. Я вот третью ночь не сплю и все думаю об этом; намекнул было сначала на Харитонову, по наружности бы очень шел: толст, неуклюж, лицо такое дряблое – очень был бы хорош; нарочно даже в деревню к нему ездил, но неудача: третью неделю в водяной умирает. Хотел было напасть на учителя арифметики – тоже был бы приличен, – смиренный, тихий, но отказывается, – говорит, что ничего не может сыграть, особенно в дамском обществе. Хотел было завербовать аптекаря, наружностью тоже подходит к роли и играть бы согласился с удовольствием, но, к несчастью, по-русски ужасно дурно говорит, да и от природы картав.

– Я знаю одного актера, – заговорил Юлий Карлыч, – только угодно ли будет вам его принять?

– Сделайте милость!.. Почему же не принять? – возразил Аполлос Михайлыч.

– Слабость имеет большую: пьяница, говорят, и пьяница-то запойная.

– Что же он по крайней мере за человек? – спросил хозяин.

– Человек он не важный, здесь в питейной конторе служит.

– Каким же образом вы узнали, что он хороший актер?

– Нынче летом у меня Саша из гимназии приезжал, так сказывал, что он где-то на вечере, подгуляв, что ли, читал им какое-то сочинение: так, говорит, уморил всех со смеху. Саша даже мне все его передразнивал.

– Нельзя ли мне как-нибудь показать его? Я бы испытал его на Подколесине.

– В этом-то и трудность, Аполлос Михайлыч, он ведет очень странную жизнь: или сидит дома около жены, которой, говорят, ужасно боится, или безобразно пьян.

– Господи боже мой, какое несчастье! По крайней мере можно ли его каким-нибудь образом вызвать из дому трезвого? Не целый же день он пьян.

– Вы напрасно, Юлий Карлыч, – вмешался в разговор Осип Касьяныч, – даете Аполлосу Михайлычу такой совет. Вы, вероятно, говорите о Рымове? Помилуйте, я его знаю: он человек совершенно потерянный; я полагаю, что это даже будет неприлично и, вероятно, дамам неприятно.

– Как это сказать, Осип Касьяныч, – возразил хозяин, – что будет неприлично и неприятно дамам? В искусстве не должно существовать личностей.

– Как вам угодно, Аполлос Михайлыч, я сказал только мое мнение.

– Очень вам благодарен; но мы теперь рассуждаем не о том, что это за человек, а какой он актер.

– Актер превосходный, мне Сашенька сказывал, – подхватил Юлий Карлыч.

– Много ваш Сашенька понимает, – перебил Осип Касьяныч.

– Да я ничего и не говорю и сказал только свое мнение. Моего Сашеньку тут вам трогать нечего.

– Вас никто с вашим Сашенькой и не трогает, а говорят о Рымове да о дамах, которые не захотят с ним играть.

– Нет, Осип Касьяныч! При всем моем уважении к вам, я должен сказать, что вы говорите не дело. Наши дамы выше этих мелочей, – перебил хозяин.

– Как вам угодно, – отвечал судья, – ваше дело.

В залу, куда ушел молодой человек, вскоре за ним вышла и молодая дама.

– О чем вы мечтаете? – спросила она, подходя к нему.

– Я не мечтаю, но взбешен на этого старого хрыча.

– Не сердитесь на него, он вас любит.

– *Sacre Dieu!*⁷ Что мне в его любви?.. Помешался сам на театре и хочет всех сделать актерами. Очень весело учить какую-нибудь дрянью наизусть, пачкать лицо и тому подобные делать глупости.

– Что ж такое? – Ничего, зато все общество будет вместе. На репетициях будет очень приятно: мы с вами будем сидеть, разговаривать, смеяться.

– Да, конечно, в таком случае это будет очень приятно, но я думал, что вы не захотите играть.

– Нет, отчего же не играть? Съезжаемся же на вечера. Роли, конечно, я не стану учить, а выйду да постою.

– Вам можно это делать, Дарья Ивановна; но меня он будет заставлять учить и ломаться.

– А вы не учите, выйдите, постоит, да и уйдите.

– Я с ним сделаю штуку. На репетициях буду, а как надобно будет играть, и притворюсь больным. Ах, только как я посмотрю, какая у вас здесь, против Петербурга, ужасная жизнь: ни вокзалов, ни собраний, ни гуляньев, а только затевают какие-то дурацкие театры.

– Что делать! Провинция. Что нынче больше танцуют в Петербурге?

– Перед моим отъездом вошла в моду полька *tremblante*.

После этого разговора дама скоро уехала, а молодой человек ушел к себе в комнату.

Два собеседника Аполлоса Михайлыча, судья и Юлий Карлыч, несмотря на происшедшую между ними маленькую размолвку, вместе простились с хозяином, вместе вышли и даже сели в один экипаж.

– Ну, оттерпелся! – произнес Осип Касьяныч. – Дает же бог таким скотам состояние, – продолжал он, – вместо того чтобы тешить общество приличным образом, давать бы, при этих средствах, обеды, вечера картежные, так нет, точно белены объелся: театр играть вздумал;

---

⁷ Проклятие! (франц.).

эких актеров нашел; а поди откажись, так еще неприятность какую-нибудь сделает. Вот сегодня надо было у Алмазова партию составить, – вот тебе и партия, просидел на дурацком вечере, да и только... Обоих бы их с Рагузовым на одну осину, проклятых, повесить; тот хоть по крайней мере сам благует, а этот еще других ломаться заставляет на его потеху. Удивительно, какое скотство!

– Уж не говорите лучше, Осип Касьяныч, – произнес Юлий Карлыч, – вон у меня жена больна; письмо надобно было писать, а что делать – просидел вечер.

– Ну, уж и вы-то хороши с вашим смешным характером: актера там ему приискали – какого-то пьяницу. Я молил бога, чтобы и те-то разбежались, а вы еще новых отыскиваете.

– Нельзя, почтеннейший, ей-богу, нельзя! Войдите вы в мое положение! На прошлой неделе занял у него триста рублей: вы сами вот говорите, что нельзя отказаться, потому что неприятности станет делать.

Фани более всех сочувствовала дяде; она, еще при гостях, ушла в наугольную комнату и при лунном свете начала повторять качучу, которую должна была танцевать в дивертисмане.

Никон Семеныч, приехав домой, тотчас же взялся за поэму Пушкина «Братья-разбойники». Сначала он читал ее про себя; потом, одушевившись, принялся произносить вслух и затем, вскочив, воскликнул:

О юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, опасность презирая,
Мы все делили пополам.

Единственный зритель его декламации, огромная легавая собака, смотревшая сначала на господина своего какими-то ласковыми глазами, на этом месте, будто бы вместо аплодисмана, начала на него лаять; но трагик не обратил внимания, продолжал и dokonчил всю поэму вслух.

II Комик и антрепренер

Рымов, о комическом таланте которого так выгодно отзывался Юлий Карлыч, был такое незначительное в городе лицо, что о нем никто и нигде почти не говорил, а если кто и знал его, то с весьма невыгодной стороны: его разумели запойным пьяницей. В контору и обратно он ходил почти всегда в сопровождении жены, которая будто бы дома держала его на привязи; но если уж он являлся на улице один, то это прямо значило, что загулял, в в это время был совершенно сумасшедший: он всходил на городской вал, говорил что-то к озеру, обращался к заходящему солнцу и к виднеющимся вдали лугам, потом садился, плакал, заходил в трактир и снова пил невероятное количество всякой хмельной дряни; врывался иногда насильно в дом к Нестору Егорычу, одному именитому и почтенному купцу, торгующему кожами, и начинал говорить ему, что он мошенник, подлец и тому подобное. Его, разумеется, вытаскивали, и таким образом он шлялся весь день, жалкий и безобразный, до тех пор покуда не ловила его Анна Сидоровна (его жена) и не уводила с помощью добрых людей домой. Что она потом предпринимала, неизвестно, но только Рымов исправлялся и начинал ходить опять в контору. В трезвом состоянии он был очень молчалив и отчасти суров; с товарищами и подчиненными почти не говорил ни слова и даже главному управляющему и самому откупщику отвечал только на вопросы.

На другой день после собрания любителей в самом отдаленном конце города, в маленьком флигельке, во второй его комнате, на двухспальной кровати лежал вниз лицом мужчина, и тут же сидела очень толстая женщина и гладила мужчину по спине. Это была чета Рымовых.

– Витя, а Витя! Опять с тобою, мамочка, тоска; разве не проходит от глаженья? У тебя прежде от этого проходило, – говорила Анна Сидоровна.

– Прошло... лучше... поди, Анюта, – проговорил Витя.

– А ты пойдешь со мной? – спросила та.

– Нет, я полежу, устал что-то.

– Ну, так и я здесь посижу.

– Нет, ступай! Мне жарко от тебя.

– Завтра я, мамочка, непременно схожу к лекарю и попрошу у него чего-нибудь для тебя.

Как тебе не стыдно так запускать болезнь?

– Ну, ладно, ступай!.. Поди, пожалуйста, сделай мне к обеду крошки.

– Да как же ты, мамочка, останешься один? Тебе будет скучно!

– Ничего... я полежу... поди, Анюта!

– Да, Витя, мне самой-то не хочется от тебя отойти.

– После насидишься – ступай, пожалуйста.

Анюта нехотя встала, чмокнула Витю в затылок и вышла. Тотчас же по уходе ее Рымов встал, потянулся в сел. Наружность его в самом деле была комическая: на широком, довольно, впрочем, выразительном и подвижном лице сидел какой-то кривой нос; глаза слабые, улыбка только на одной половине, устройство головы угловатое и развитое на верхней части затылка.

– Еще год такой жизни, и я совсем сблагую: черт знает, что такое эти женщины! Для мужчин хоть время, хоть возраст существует, а для них и того нет! Бабе давно за сорок, а она все нежничает – да еще и ревнует! Не глядел бы ни на что, право. Что я теперь за человек? – Пьяница и больше ничего: трезвый тоскую, а пьяный глупости творю... Опять разве на театр махнуть?.. Нет, черт возьми!.. Нет!.. – воскликнул уже вслух Рымов, махнув рукою, как бы желая отогнать от себя дьявольское наваждение. – Каково было у Григорьева-то в труппе? – продолжал он рассуждать сам с собой. – Да и публика-то хороша, нечего сказать: мерзавке

Завьяловой хлопают да цветы кидают, а над тобой только смеются, да еще говорят, что мало играешь! Играй вот им в каждом дурацком водевиле, паясничай – так и хорошо. Что там ни говори, а старуха моя, право, лучше всех для меня: влюблена даже в мою физиономию – вот этого, признаюсь, я никак не понимаю. Ну, да, вправду, и она не красива лицом, а привык, удивительно привык!

Анюта возвратилась и с самою приятною улыбкою разостлала салфетку и поставила крошку. Все это она исполняла проворно, потому что, несмотря на полноту, была очень поворотлива и имела известную частоступчатую походку, с небольшим развальцем, как обыкновенно ходят ожиревшие сангвиники.

– Кушай, мамочка, я после пообедаю, – проговорила она.

Витя нехотя начал болтать в тарелке ложкою. Анна Сидоровна встала около него; одною рукою она подперлась в бок, а другою обняла шею мужа, – таким образом импровизированная живая картина была очень интересна. Представьте себе сидящего Рымова, с описанною мною физиономиею, и физиономиею, имеющею самое мрачное выражение, в засаленном и полуизорванном кашемировом халате, и обнимающую его – полную даму, с засученными рукавами. В положении Анюты было даже несколько кокетства: по крайней мере она как-то чрезвычайно странно свернула голову набок и очень нежно смотрела своими маленькими заплывшими глазами на мужа. Рымов съел несколько ложек, потом взглянул в висящее против него зеркало, улыбнулся, махнул рукой и встал.

– Что же ты, Витя, встал?

– Не хочу больше ничего.

– А чему ты, мамочка, смеешься?

– Так, ничему... Славные мы с тобой фигуры, – отвечал тот.

– Что же такое, мамочка! Ты хорош... право, хорош! Вон у тебя, душка, какой носик!

Дай я тебе его поцелую... – И Анюта поцеловала носик. Рымов сделал гримасу.

– Странная ты баба, – проговорил он, качая головой и ложась опять на постель.

– Вот уж у тебя сейчас и странная: сам странный!

– Странен я, только не в том.

– А зачем же, когда я ездила в Кузмищево, так ты по мне тосковал?

– Ты почему знаешь?

– Мне один человек сказывал.

– Соврал тебе человек!

Анюта села опять на кровать, схватила Рымова за подбородок и вдруг поцеловала его.

– Перестань, сумасшедшая, выдумала с поцелуями... – проговорил тот с досадою, вставая с постели.

– Куда же ты, мамочка?

– Да так... все лижешься... молоденькая какая! Пусти... я ходить хочу.

Рымов встал и начал ходить по комнате. Анна Сидоровна, сложив руки, следовала за ним глазами.

– Одного у нас, Витя, с тобою нет, право! Как бы это было, ты бы меньше скучал.

– Что такое?

– Детей, мамочка! Хоть бы одного в целую жизнь бог дал на радость!

Рымов усмехнулся.

– Ты бы, мамочка, очень его любил?

Рымов не отвечал.

– Вдруг, Витя, у нас родится что-нибудь?

– Перестань, пожалуйста, болтать – мелешь бог знает что. Бабе за сорок, а думает еще родить.

– Где же, Витечка, за сорок?

– Сколько же?

– Тридцать два года всего, – отвечала, потупившись, Анна Сидоровна.

– Ах ты, сумасшедшая! Сто лет замужем, и все ей тридцать два.

– Как же сто? Всего пятнадцать.

– Ну, пятнадцать! Да замуж вышла двадцати пяти.

– Это кто вам сказал, что двадцати пяти! Всего семнадцати лет.

– Ну ладно: отвяжись!

– Ты все, мамочка, меня обижаешь; как над какой-нибудь дурой все смеешься. Изменял несколько раз, так уж, конечно, жена не может нравиться. Не скучайте, Виктор Павлыч! Может быть, нынешнюю зиму бог и приберет меня, будете свободны – женитесь, пожалуй! Возьмете молоденькую, а я буду лежать в сырой земле.

При последних словах Анна Сидоровна заплакала.

– Тьфу ты, дурацкая баба, – проговорил Рымов и плюнул.

– Плюйте, Виктор Павлыч! Бог с вами, плюйте! Я давно уже вами оплеванная живу.

– Да ты хоть кого выведешь из терпенья: или целуется, как девчонка какая, или капризится. Ревность съела!.. К кому, матушка? И людей-то никого не вижу, – весь всегда перед тобой.

– А прежде-то что ты делал на этом мерзком театре? Прежде-то как изменял, – это забыл?

– Ну да, как же! Очень всем нужно было меня. Тебе еще мало, что меня душит целые дни тоска, – мало этого, что бывают минуты хоть резаться, – произнес Рымов и бросился на кровать.

Несколько минут продолжалось молчание.

– Мамочка, что это ты говоришь! – начала Анна Сидоровна, вставая и подходя к мужу. – Зачем ты это говоришь? Я думаю, страшно.

– Страшно? Нет, моя милая, не умереть, а жить, как я живу, страшно.

Анна Сидоровна опять села на постель.

– Витечка! Что это такое? Я лучше сама за тебя умру!

Комик отворотился к стене и начал чрезвычайно впечатлительным голосом:

– «Умереть!.. Уснуть!.. Но, может, станешь грезить в том чудном сне, откуда нет возврата, нет пришлецов!..»⁸

Анна Сидоровна сидела, подгорюнившись.

Послышался в сенях сильный стук.

– Кто-то, должно быть, приехал, – воскликнула Анна Сидоровна, вскочив.

– О, черт бы драл! – проговорил Рымов и захлопнул дверь.

В первой комнате кто-то кашлял.

– Поди, мамочка, какой-то мужчина, – сказала Анна Сидоровна, заглянув в щелку.

Рымов с досадою надел пальто и вышел.

Перед ним стоял Аполлос Михайлыч.

Разговор несколько минут не начинался.

Дилетаев был поражен наружным видом комика, который действительно был очень растрепан; стоявшие торчками во все стороны волосы были покрыты пухом; из-под изношенного пальто, застегнутого на две только пуговицы, выбивалась грязная рубашка; галстука совсем не было; брюки вздернулись и тоже все были перепачканы в пуху.

– Честь имею кланяться, – заговорил, наконец, Аполлос Михайлыч, – не беспокоил ли я вас; вероятно, вы отдыхали после обеда?

– Да-с, – отвечал Рымов.

---

⁸ Умереть!.. Уснуть!.. – слова из монолога Гамлета в трагедии Шекспира «Гамлет».

– Не знаю, нужно ли мне рекомендоваться вам, но, впрочем... Аполлос Михайлыч Дилетаев.

Хозяин поклонился, гость сел и, опершись на свою палку, начал следующим образом:

– Первоначально позвольте узнать ваше имя и отчество?

– Виктор Павлыч.

– Вчерашний день, Виктор Павлыч, я имел удовольствие слышать о вас чрезвычайно лестные отзывы; но предварительно считаю нужным сообщить вам нечто о самом себе; я немного поэт, поэт в душе. Поэт, так сказать, по призванию. Не служа уже лет пять и живя в деревенской свободе, – я беседую с музами. Все это вам потому сообщаю, что и вы, как я слышал, тоже поэт, и поэт в душе.

– Я ничего не пишу.

– Да... но это все равно – вы актер!

Рымов покраснел.

– Я это хорошо знаю и поэтому решился обратиться к вам с предложением: не угодно ли вам принять участие в благородном спектакле, который будет у меня в доме?

Рымова подернуло.

– Я давно уж отстал и отвык, – произнес он.

– Не беспокойтесь, я эти вещи очень хорошо понимаю, – художник до самой смерти остается художником.

– Я не знаю-с, могу ли теперь за себя ручаться.

– Опять повторяю: не беспокойтесь! Мы имеем для вас превосходную роль. Это, знаете, этакое дикое, застенчивое мужчину в пьесе «Женитьба», из которой дано будет несколько явлений. Сколько я могу вас понимать, то эта роль будет вам очень по характеру, и вы отлично ее выполните.

Рымов бледнел и краснел, как будто бы в эту минуту решалась участь его жизни. Он ничего не находил сказать и только перебирал дрожащими руками петли своего пальто.

– Я очень люблю театр, – сказал, наконец, он.

– Это я вижу по вашему лицу, – заметил Аполлос Михайлыч, – вы даже теперь взволнованы.

– Большой будет спектакль? – спросил хозяин, утирая катившийся с лица пот.

– Спектакль будет довольно большой и прекрасно составленный: в первую голову моя комедия: «Виконт и гризетка, или исправленный повеса», необыкновенно живая пьеска, из французских нравов. В ней всего три действующие лица: молодой виконт, которого я сам буду играть и который есть чистый тип шалуна-парижанина, и еще две женщины – одна из них гризетка, а другая маркиза. В первом действии он влюблен в гризетку и ненавидит маркизу, а во втором влюбляется уже в нее. Гризетка это узнает, застает его у маркизы, укоряет его; сама маркиза над ним смеется. Он сначала теряется, потом раскаивается и предлагает гризетке руку, а маркизе объявляет, что это ее побочная дочь. Пьеса эта, я, не хвастаясь, могу сказать, неоцененная вещь для благородных спектаклей, потому что актеры не могут иметь тех манер, которые нужны для сен-жерменских баричей. Потом «Женитьба», – об этой комедии, если хотите, я ничего не скажу особенного: написана она в очень тривиальном духе; я видел ее в Москве и, конечно, как знаток и судья строгий в этом деле, нашел в ней много недостатков, но при всем том хохотал до невероятности. Мы ее дадим для райка; у меня хоть и домашний спектакль, но публика будет всех сортов, потому что я это приятное удовольствие хочу разделить со всем городом, для которого оно может служить эрою воспоминаний.

– Я знаю-с эту пьесу.

– Знаете? И прекрасно!

– Это гениальная комедия.

– Ну уж и гениальная, – высоко взяли, Виктор Павлыч! Впрочем, сейчас видно артиста в душе. Мне очень приятно это от вас слышать, хотя я и не согласен с вами; я классик, и гениальными творениями называю только классические пьесы.

– Она классическая.

– Ну что ж в ней классического? Классического-то в ней ничего нет. Во-первых, главного правила классицизма – единства содержания, в ней не существует; а без этого, батюшка, всякая комедия, как тело без души. Сведено несколько смешных, уродливых лиц, которые говорят между собою и, конечно, заставляют смеяться, но и только; эта пьеса решительно не для знатоков. Вы, Впрочем, пожалуйста, не принимайте этого никак на свой счет, потому что, хоть и будете играть в этой комедии, но и в ней можете показать свой талант – золото видно и в грязи.

– Я очень рад играть в этой пьесе.

– А я более вашего.

На этом месте вышла Анна Сидоровна. Она все подслушивала. Лицо ее покрылось багровыми пятнами; кашемировый платок был надет как-то совсем уж накось. Гостю она присела, а на мужа взглянула: тот потупился.

– Итак, – проговорил Дилетаев, вставая, – когда же мы увидимся? Не могу ли я вас просить пожаловать ко мне сегодня вечером. У меня будет маленькое испытательное чтение: мы потолкуем, продекламируем наши пьесы и прочее. Вы не поверите, как хлопотливы эти театры! Его даже по одному этому можно назвать великим делом. Я про себя, например, могу сказать, что с молодых лет был поклонником Мельпомены – знаток и опытен в этом; но признаюсь, иногда голова идет кругом, особенно трудно ладить с участвующими; всем хочется сделать по-своему, а сделать-то никто ничего не умеет. Есть у меня сосед и приятель, Никон Семеныч Рагузов, страстный театрал; но, к несчастью, помешан на трагедиях. Вчера даже сделал мне сцену: требует все драмы; успокоили только тем, что ставим на сцену «Братья-разбойники». Однако до свиданья, – проговорил гость, раскланиваясь и пожимая у комика руку. – Надеюсь, сударыня, – прибавил он, обращаясь к хозяйке, – что и вы пожалуете посмотреть на наш спектакль и полюбоваться вашим супругом.

Анна Сидоровна ничего не отвечала; полная грудь ее колыхалась, или, лучше сказать, она вся была в сильном волнении.

Дилетаев заехал от Рымовых к Юлию Карлычу. Хозяин выбежал его встречать на крыльцо и, поддерживая гостя под руку, ввел на лестницу и провел в гостиную.

– Я отыскал вашего комика, – начал Дилетаев.

– Изволили отыскать? – воскликнул хозяин. – Простите меня великодушно, – продолжал он умоляющим голосом, – я сейчас было хотел, по вашему приказанию, ехать к нему, да лекаря прождал. Клеопатра Григорьевна у меня очень нехороша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.